

об авторе: Роман Николаевич Абрамов - к.социол.н., доцент кафедры анализа социальных институтов факультета социологии НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник отдела истории и теории социологии Института социологии РАН (e-mail: roman_na@mail.ru)

"Структурщики" и "заводские социологи": к истории исследований социально-профессиональных групп в СССР в 1960-80-е гг.

Аннотация: статья посвящена анализу ресурсов объяснительных ресурсов советской социологии применительно к исследованиям занятий и профессий. В первой части статьи автор обращается к наследию исследований социальной структуры советского общества ("структурщикам"), в рамках которых осуществлялось изучение социально-профессиональных групп. Во второй части статьи речь идет о "заводской социологии" - движении, сыгравшем важную роль в становлении многих социологических дисциплин, в том числе и социологии занятий и профессий в России. По жанру статья является историко-социологическим очерком, основанным на материалах авторского исследования.

Ключевые слова: социальная структура, социология профессий, история социологии, советская социология, заводская социология, профессионализм

"Social structure studies" and "industrial sociologists": history of researches socio-professional groups in USSR during 1960-80

Summary: The article is about explanatory resources of soviet sociology for occupations and professions studies. Firstly, author analyzes works of researchers soviet social structure because in this area the studies of occupations and professional groups were developed. Next part devoted the history of the soviet industrial sociology movement that included a lot of directions and topics for studies situations in soviet industry. A lot of contemporary russian sociologists started their careers like "industrial sociologists" and had close relation to professional groups in industry.

keywords: social structure, sociology of professions, history of sociology, soviet sociology, industrial sociology, professionalism

Социология занятий и профессий поддерживает интерес к своей дисциплинарной истории, служащей не только музейной экспозицией прошлого, но и вдохновляющей исследователей на новые поиски. Ведущие социологи занятий и профессий внесли вклад в реконструкцию эпистемической эволюции своей дисциплины [Abbot, 1993: 187-209], [Freidson, 1984: 1-20], [Sciulli, 2009], [Mackdonald, 1995], [Mackdonald, Ritzer 1998: 251-272], [Сакс, Олсон, 2003: 61-79], [Гадея, 2011: 70-80]. В России понимание, что изучение занятий и профессий составляет отдельную академическую дисциплину пришло довольно поздно - только в конце 1990-х гг.¹. В последние годы исследователи занятий и профессий пришли к осознанию своей дисциплинарной идентичности: адаптируют международные идеи к российскому

¹ в своем интервью исследователь занятий и профессий И.П. Попова сказала, что в самом авторитетном российском журнале по социологии "Социологические исследования" тематическая рубрика "Социология профессий" появилась только в 2009 г. Наше исследование показывает, что в разных рубриках "Социологические исследования" регулярно публиковали материалы связанные с тематикой изучения занятий и профессий, начиная с 1974 г.

контексту, формируют повестку дня, разрабатывают учебные курсы². Появились опыты реконструкции истории и текущего состояния исследований занятий и профессий в СССР и России [Абрамов, 2013:99-108], [Мансуров, Юрченко, 2013:91-106], [Московская, 2010:90-113], [Романов, Ярская-Смирнова, 2009:25-35], [Шкаратан, 1996:222-264], [Кораблева, 2013:109-117]. Однако история исследований занятий и профессий содержит еще много возможностей для исследователя и её анализ способствует пониманию трансформаций социальных наук в России и открывает возможности для адекватной характеристики природы профессионализма в прошлом и настоящем.

В данной статье представлены выбранные результаты авторского исследования истории занятий и профессий в России³. В статье использованы материалы интервью российскими и зарубежными исследователями занятий и профессий, тематический анализ публикаций советских и российских академических журналов ("Социологические исследования", "Мир России", "ЭКО", "Экономическая социология") и результаты работы с библиотечными фондами ИНИОН РАН и Института социологии РАН.

Цель проведенного в статье анализа - показать содержательные ресурсы и ограничения в изучении социально-профессиональных групп советскими социологами в 1960-80-е гг. на примере двух влиятельных направлений: исследований социальной структуры, отражающих макросоциологические амбиции социологии того времени и движения "заводской социологии", ориентированного на прикладные задачи. На наш взгляд современная историография советской социологии уделяет значительное внимание коммеморативным, биографическим и социальным аспектам бытования общественных наук в СССР, нередко исключая из рассмотрения содержательный анализ проделанной советскими социологами работы. Между тем, наследие советской социологии - это не только личная история участников событий и организаций, но и история знаний, которые могут быть достойным объектом анализа применительно к изучению социально-профессиональных групп в СССР. Статья выполнена в жанре историко-социологического очерка с акцентом на поиски связи между языком советской социологии и современным языком социологии занятий и профессий.

"Структуристики": профессиональные группы в контексте изучения социальной структуры советского общества

В основном профессионализированные занятия советскими социологами были отнесены к социальному слою интеллигенции, хотя существовали определенные оговорки, связанные с насыщением творческой и интеллектуальной составляющей труда промышленных рабочих, из-за чего появлялись терминологические кентавры - высококвалифицированные рабочие назывались профессиональными кадрами, близкими по своему статусу и характеру труда к инженерам и, наоборот, часть инженеров входила в рабочий класс, в результате внедрения новых технологий [Гоголюхин, 1966], [Филиппов, 1978:21-28]: *"Какая-то часть занятий, двигалась в сторону профессионалов. Это подметил М.Н. Руткевич⁴, когда он говорил о рабочих, которые практически инженеры на специализированных автоматизированных станках. С другой стороны, некоторая часть инженеров работала не как рабочие, а управляющими этими системами. Они переходили в*

² Первым учебным курсом "Социология профессий", который базировался на международном контексте данной дисциплины стал курс Р.Н. Абрамова, прочитанный впервые в 2001 году на Магистерской программе Центра социологического образования Института социологии РАН и с 2002 г. на регулярной основе преподаваемый на факультете социологии НИУ ВШЭ (г. Москва). см. [Абрамов, 2003:159-167].

³ Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013-2014 гг., проект № 12-01-0014

«Социальные исследования занятий и профессий: история, теория, методология».

⁴ см. [Руткевич, 1975:7-20], [Руткевич, 1977:17], [Руткевич, 1976:16].

статус рабочих, хотя в принципе это была деятельность инженера: по статусу "рабочие-инженеры", "инженеры-рабочие" (транскрипт интервью с В.А. Мансуровым).

Современные критики тезиса о стирании граней между интеллектуальным и физическим трудом полагают, что он был эвфемизмом ускоряющейся статусной инфляции дипломированных инженеров: "уродливое явление, порожденное извращенной системой зарплаты и огромным перепроизводством специалистов"[Волков,1999:118]. Близким аналогом из современного языка социологии занятий и профессий применительно к инженерам является понятие "депрофессионализации" - сужения границ автономии, потери социального статуса и престижа в результате внедрения новых методов управленческого контроля и технологий. Одновременно, нужно отметить действительный рост числа "рабочей элиты" - "синих воротничков", занятых высококвалифицированным трудом на сложных, современных и экспериментальных производствах того времени, представителем которых можно назвать героя фильма "Москва слезам не верит" - слесаря Гошу.

Уже в конце 1960-х гг. никто из серьезных социологов провозглашал быстрого построения "бесклассового общества", где все его члены будут заняты в равной мере творческим, интеллектуальным трудом. Скорее говорилось о долгосрочных тенденциях по движению к этому состоянию, признаками чего было увеличение доли лиц с высшим образованием в сфере занятости и структурные изменения в трудовом процессе. Впрочем, констатировалось, что потребность в "малоквалифицированном рутинном труде" не отомрет в обозримом будущем. В 1968-м г. под редакцией сотрудников Института философии АН СССР Ц.А. Степаняна и В.С. Семенова выходит монография "Классы, социальные слои и группы в СССР" [Классы...,1968] организация материала которой отражает представление о социальной структуре советского общества: три раздела книги посвящены соответственно рабочему классу, крестьянству, интеллигенции и служащим. Однако в этом издании как других, даже более ранних исследованиях[Кугель,1963] происходит отступление от упрощенного взгляда на советское общество как состоящие из крупных социальных образований: *"Дискуссия была связана с проблемой стратификации. Потому что классовый подход, это уже и примитивно и поэтому думали какие группы можно выделить. В пределе, это были профессиональные группы"* (транскрипт интервью с В.А. Ядовым).

Авторы монографии "Классы, социальные слои и группы в СССР" группы занятых, которые в англосаксонской традиции относят к профессиям, включили состав интеллигенции, поскольку определили её как "социальную группу, слой, состоящий из лиц, профессиональной занимающихся высококвалифицированным умственным трудом, требующим специального среднего или высшего образования" [Классы...,1968:136-137]. В характеристике советской интеллигенции авторы пытались нащупать компромисс между риском сведения интеллигенции исключительно к высокообразованным профессионалам, имеющим соответствующий статус и уровень компетенции, и констатацией движения к исчезновению этого "социального слоя", поскольку труд рабочих и колхозного крестьянства становится всё более "интеллектуально насыщенным". Если бы интеллигенцией были названы только профессионалы с высшим образованием, то возникли бы проблемы идеологического характера - советская интеллигенция выглядела бы как профессиональные группы буржуазного общества со своими особыми интересами, чего невозможно было допустить. Во втором случае социальная структура советского общества выглядела бы далекой от реальности, что усложняло проведение адекватного анализа. Поэтому интеллигенция описывается как "единая", но "разнородная" группа со своей внутренней структурой[Там же:140].

Какова же эта структура и где в ней место профессионализированным занятиям? В англо-американской и отчасти в континентальной социологии профессии принято считать, что степень свободы в профессиональной практике и автономии в принятии решений относительно своего круга задач является значимым признаком профессионализированного занятия. В советской социологии отдаленным аналогом автономии стало понятие "творческого характера труда", которое имело расплывчатую интерпретацию, чаще связанную с тем, что по мере интеллектуализации труда снижается доля рутинного исполнительского труда, но растет самостоятельность в процессе труда и возможность для личной самореализации. Авторы книги "Классы, социальные слои и группы в СССР" сначала отрицают "творчество" как "критерий разграничения социальных групп", но несколько страниц спустя используют его для отделения группы "служащих" от специалистов [Классы..., 1968:142-145]. В их логике "специалисты" близки по значению к профессионалам, поскольку имеют высокий уровень образования и их труду присущ "творческий характер", тогда как "труд служащих представляет собой сравнительно малоквалифицированный умственный труд, сочетающийся с несложным физическим ручным трудом (перепиской, счетной работой, торговыми операциями)" [Классы..., 1968:164]. Отличие "специалистов" от "служащих" заключается разной продолжительности обучения, разных уровня оплаты труда и общей культуры. По сути это отдаленная версия качественного различия "профессий" и "полупрофессий" (semi-professions) в общепринятой системе координат социологии занятий и профессий. Не забыли авторы и о внутривидовой иерархии, говоря о "дифференциации видов умственного труда" на примере фрагментации профессии "хирурга", породившей множество специализаций.

Сжатый анализ части монографии "Классы, социальные слои и группы в СССР" нам необходим для демонстрации того, что советская социология хорошо осознавала особый статусную специфику профессионализированных занятий, но в силу идеологических причин и бюрократической модели занятости, предлагала собственное видение причин, ситуации и последствий образования профессиональных групп. Удобным приемом было растворение дискурса о профессиях в идеологически приемлемом дискурсе о "советской трудовой интеллигенции", куда вошли почти все группы работников занятые нефизическим трудом - "служащие". Одновременно, было понимание качественной дифференциации между "служащими" низового уровня с ограниченной юрисдикцией и рутинным характером труда и "специалистами" - наиболее профессионализированной частью интеллигенции, обладающей собственным социальным и культурным габитусом, обусловленным относительно высоким уровнем образования и автономией - "творческим содержанием труда". Именно специалисты по своему характеру наиболее близки к "профессиям" в англо-американской перспективе и "кадрам" в континентальном подходе. Уже во второй половине 1960-х гг. ряд советских социологов не ограничивался простым взглядом на профессионалов как часть интеллигенции, а стремился показать, что неоднородность социальной структуры советского общества только нарастает.

В этой связи заслуживают внимания жесткие дискуссии между разными группами "*структуристов*"⁵ продолжавшиеся на протяжении всех 1970-80-х гг. "Структуристы" - те кто занимался изучением и описанием социальной структуры советского общества, в то время находились на вершине советской социологической иерархии, поскольку их работа имела важную идеологическую функцию - создавала официальную картину устройства советского общества. Подробный разбор этой дискуссии дан одним из её участников О.И. Шкартаном в учебнике "Социальная

⁵ Один из информантов так обозначил социологов, занимавшихся в СССР изучением и описанием социальной структуры советского общества.

стратификация" [Шкаратан,1996:222-264]. Основная коллизия разворачивалась между последовательными сторонниками сталинской формулы социальной структуры советского общества ("трехчленки"), предусматривающей союз рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции и теми, кто стремился показать сложность и дифференцированность организации советского общества. Согласно О.И. Шкаратану "решительным защитником сталинской формулы выступал на протяжении десятилетий М.Н. Руткевич"[там же:224]. В рамках этого подхода интеллигенция называлась "классоподобной группой", призванной "замаскировать реальную стратификацию с невиданными различиями верхов и низов"[там же:224]. В 1970-1980-е гг. для дополнительного обоснования "трехчленки" использовалось идеологизированное понятие "социальной однородности", предполагающее исчезновение различий в видах труда и стирание границ между социально-профессиональными группами. Впрочем, социологи, заинтересованные в аналитическом понимании советского общества эти идеи не принимали всерьез за их "очевидной несостоятельностью"[там же:227].

Открыто провозглашать свое несогласие со сталинской "трехчленкой" было рискованно, поэтому советские социологи, заинтересованные в понимании реальной организации советского общества, декларировали согласие с официальными установками, но, одновременно, проводили собственные исследования, показывающие сложность социальной структуры общества реального социализма. Социологи, не желавшие повторять идеологические мантры "социальной однородности", изобретали новые термины для описания результатов исследований. В широкий обиход вводился термин "слой"[там же:235], с помощью которого структура советского общества представлялась в виде многоуровневой системы социально-профессиональных групп: разные "слои" имели качественные отличия в отношении к труду, собственности, управлению и в степени автономии.

В 1970-х гг. сложилась устойчивая альтернатива "трехчленке", когда социально-профессиональная группа стала пониматься как "первичный элемент социальной структуры", а слои отражают социальные различия, укорененные в разделении труда[Арутюнян,1971:99],[Шкаратан,1970]. Оппонентом М.Н. Руткевича и лидером стратификационных исследований социально-профессиональных групп был О.И. Шкаратан, работавший в Ленинграде. Опираясь на материалы переписей населения и исследования различных групп занятий в промышленности вместе с коллегами он разработал и совершенствовал классификационную модель социально-профессиональной структуры советского общества. В 1973-м гг. выходит книга О.И. Шкаратана и Л.С. Бляхмана, где представлены основные характеристики этой модели[Бляхман,Шкаратан,1973]. По мнению авторов, НТР(научно-техническая революция) приводит не к стиранию границ между классами, а к возникновению новых "социально-профессиональных слоев", находящихся в постоянном движении в рамках социальной структуры. Развивался тезис о многообразии занятий, составляющих социально-профессиональные слои и предлагалась собственная классификация служащих и интеллигенции с градацией от работников квалифицированного умственного труда(руководители), творческой интеллигенции до работников преимущественно умственного труда (торгово-конторских служащих)[там же:270].

Авторы этой модели хорошо понимали статусные, институциональные и социокультурные различия между отдельными группами профессионализированных занятий и подчеркивали их "своеобразие" как в случае с группой "творческой интеллигенции", выделенной в самостоятельную подгруппу. Из наименования групп и их описания можно понять, что классификация учитывает во-первых, уровень и тип образования, во-вторых, вид деятельности и объем властных полномочий, в-третьих,

степень свободы и подконтрольности, то есть уровень автономии и рутинности в процессе труда. Другими словами, в определенном отношении эта классификация адекватна как западным (американским и британским) стратификационным схемам, так и иерархиям занятий по степени их профессионализации.

В конце 1970-х гг. О.И. Шкаратан вместе с коллегами продолжили развитие своих исследований и теоретических идей, опираясь на результаты опросов в промышленности, экспертные оценки и данные переписи населения. В 1980-м г. выходит статья О.И. Шкаратана и его коллег "Социальный слой и профессия" [Шкаратан, Филиппова, Демидова, 1980:25-32], в которой они обобщают материал, собранный в течение нескольких предыдущих лет [Шкаратан, Стаканова, Филиппова, 1977], [Шкаратан, Руковишников, 1977]. Здесь сделана попытка совмещения информации о профессиональной принадлежности респондентов с их принадлежностью к социальным слоям городского населения. Для сопоставления использовался перечень занятий, применявшийся Центральным статистическим управлением СССР в ходе переписей. Получившаяся классификация примерно соответствует уже упоминавшейся выше, но представляют интерес критерии, по которым осуществлялась ротация занятий и профессий: "соотношение исполнительских и организаторских функций; степень многообразия и нестереотипности функций; степень самоорганизации в труде; сложность труда на данном рабочем месте (необходимый уровень образования работника); 5) социально-экономическая оценка (уровень заработной платы в сочетании с жилищными условиями)" [Шкаратан, Филиппова, Демидова, 1980:25-32]. Несмотря на специфическую терминологию мы видим, что эти критерии отчасти совпадают с теми, что использовались в 1950-70-х гг. в западных концепциях "теории черт" и даже более позднем неовеберианском подходе: учтен уровень образования, автономия в выполнении своей работы, социальный статус и т.д. Конечно, сам неовеберианский подход появился позже, но ведущие советские социологи были хорошо знакомы с парсонсианской версией структурного функционализма, где профессиональным группам уделялось серьезное внимание.

При всех допущениях, классификационные признаки профессиональных групп в советской социологии сопоставимы с подобными в англо-американской социологии. Сами же социально-профессиональные группы по содержательным характеристикам близки к понятию *кадров* в континентальной модели профессионализма, где есть значительная зависимость от государственной политики в сфере образования и занятости.

"Заводская социология" и исследования занятий и профессий в СССР

Вместе с изучением социальной структуры общества с начала 1960-х гг. в советской социологии появились другие направления исследований, включая "заводскую социологию" ставшую первым массовым движением в сфере социальных исследований, которое охватывало не только столичные города, но и региональные центры с крупными промышленными предприятиями. Тематический охват исследований "заводских социологов" чрезвычайно широк - от разработки профориентационных тестов в помощь отделам кадров до изучения досуговых практик и свободного времени работников и их семей [Готлиб, 2008], [Григорьев, 2008:74-81], [Давидюк, 2008:93-99]. При этом "заводские социологи" мыслили себя в качестве практиков, чьими задачами было не просто аналитическое понимание происходящего на предприятии, но участие в изменении ситуации: *"Люди, пришедшие на предприятие, осознали, что они не могут себя вести как научно-исследовательский институт и начали действовать как управленцы. Это другой жанр и другая парадигма мышления"* (интервью с В.В. Щербиной).

При этом реконструкция социальной структуры общества, как и методические эксперименты в социологии чаще всего базировались на проектах, выполненных под вывеской прикладных исследований на промышленных предприятиях. Это затрудняет локализацию исследовательской повестки собственно "заводской социологии" и допускает различные трактовки истории этого движения, наиболее полной из которых на сегодняшний день является статья В.В. Щербины, вышедшая в 2008 г.[Щербина,2008:115-124]. И всё же опираясь на материалы интервью и доступные источники рассмотрим "заводскую социологию" в контексте нашего интереса к истории изучения социально-профессиональных групп.

Исходные причины появления и популярности социологических обследований в промышленности нужно искать в послевоенном технологическом рывке, связанном с восстановлением народного хозяйства и вовлечением страны в "холодную войну"⁶. Создание Государственного комитета по внедрению новой техники в 1955 г. и курс на рост качества жизни населения также стимулировали партийные и ведомственные структуры к более внимательному и рациональному подходу к управлению. В условиях "оттепельной модернизации" сложилась потребность в налаживании обратной связи и принятии обоснованных решений в сфере труда и занятости, когда возникла текучесть кадров на фоне "расширения свободы перемещений работников с одного предприятия на другое"[Щербина,2008:115-124]. Новая "разрешенная" наука - социология стала рассматриваться в качестве эффективного инструмента решения этих задач: *"достаточное число секретарей партийных организаций, особенно секретарей по идеологии были очень толковые люди, которые почувствовали, что социология даст дополнительные возможности узнать состояния, думы, мировоззрения людей. И они поддерживали эти исследования"*. (интервью с Ж.Т. Тощенко)

Расширению активности "заводских социологов" способствовало введение на предприятиях Планов социального развития(ПСР) во второй половине 1960-х гг. В период косыгинских реформ "ПСР рассматривались как важнейший инструмент долгосрочной социальной политики на предприятии и составлялись в обязательном порядке. Идеология ПСР базировалась на сочетании положений научного коммунизма и западной школы «человеческих отношений»" [Щербина,2008:115-124]. Логика введения ПСР продиктована структурной организацией советской экономики, где ключевой управленческой единицей были предприятия с их трудовыми коллективами, окруженные сопутствующей социальной инфраструктурой - от поликлиник и детских садов до градообразующих жилых комплексов и "закрытых городов". Крупные и средние предприятия становились субъектами территориального развития и реализации социальной политики, а работник был окружен патерналистской заботой со стороны "своего" предприятия или министерства не только на работе, но и в повседневной жизни - отводя детей в ясли, приходя в дом культуры, повышая квалификацию, обращаясь в поликлинику и т.п. По воспоминаниям социологов, разработка ПСР открыла перед ними двери фабрик и заводов, поскольку мало кто знал как именно должен выглядеть этот документ и, казалось, что социология наилучшим образом подходила для выполнения этой задачи: *"было веление партии составлять планы социального развития, про которые ничего не знали. Начальство ничего не знало и кадровики того времени знали только как правильно заполнять документы. Таких компетенций у них не было, поэтому конечно понадобились профессионалы. А где их брать? И поэтому, первые социологические центры моментально втянули в себя самых разных профессионалов, экономистов, философов"*(интервью с С.Г. Климовой).

⁶ Некоторые важные аспекты внедрения новой техники и модернизации советской промышленности на основе зарубежного опыта и технологий представлены здесь [Кочеткова, 2013:13-42].

Трудно сказать в какой степени ПСР были формой декоративного прожекторства, а в какой руководством к действию - это зависело от личности менеджмента предприятий, но тема "социального планирования" дала старт многим карьерам советских и российских социологов, некоторые из которых переходили в социологию, оставляя кресла руководителей предприятий, комсомольских и партийных работников:

"В комсомольской карьере с 1957-го по 1964-й гг. я дошёл до секретаря Красноярского крайкома комсомола. Я прошёл большой официальный путь. Но меня тянуло к научным делам, поэтому в 64-м г. горком партии предложил поехать в Академию общественных наук, я согласился и приехал. <...> В аспирантуре я избрал модную тему - социальное планирование, социальные паспорта предприятий и в Москве, я помог заводу "Пролетарский труд" на Красной Пресне - это метизный завод, делал гайки, шурупы. <...> Когда я вернулся после аспирантуры в Красноярский край, я решил со своей партийной комсомольской карьерой закончить и пойти в науку" (интервью с Ж.Т. Тощенко).

Рост популярности "заводской социологии" также был обусловлен модой на внедрение вычислительной техники и Автоматизированных систем управления (АСУ), захватившей целые отрасли со второй половины 1960-х гг. АСУ и кибернетические, модели управления предприятиями казались политически безопасным и понятным способом повышения эффективности советской экономики в контексте косыгинских реформ [Герович, 2011], [Gerovich, 2002], [Дискуссия..., 1997: 225-236]. Казалось, вычислительная техника открывала бесконечные горизонты рационализации системы управления, включая управление персоналом и получение обратной связи. "Заводская социология" воспользовалась интересом советских директоров к кибернетике - активно продвигала автоматизированные системы кадрового учета и применяла машинные расчеты при обработке анкетных опросов, что порой воспринималось руководством как "чудо": *"Я сотрудничал с Управлением рабочих и руководящих кадров в Минсельстрое. Я докладывал им - во всю стену показатели, таблицы. Вычислительные машины тогда были другого плана, но они выдавали матрицы, все вопросы анкеты и факторы. Я показал наглядно, кто же работает в сельском строительстве: они были удивлены, ошарашен, так это всё им интересно было"* (интервью с С.Д. Резником). В 1970-х гг. новосибирский журнал "ЭКО" ("Экономика и организация промышленного производства") пропагандировал и саму "заводскую социологию" [Когоут, Томшик, 1972], [Перкнерова, 1972], [Назимова, 1972], [Социология и кадровая..., 1972] и внедрение автоматизированных систем управления [Карибский, 1970], [Мироносицкий, Романова, 1972], [Галочкин, 1973] - были рубрики "Кибернетика на предприятии" и "Проблемы промышленной социологии".

Организационно социологические исследования в промышленности осуществлялись лабораториями, созданными в течение 1960-е-1970-х гг. в разных регионах страны, либо на базе философских кафедр местных вузов, либо в отраслевых и академических НИИ. Нередко эти лаборатории курировались региональными партийными органами и обладали достаточной организационной независимостью для «хоздоговорных работ» - прообраза проектной исследовательской деятельности. В 1970-80-е гг. движение «заводской социологии» стало столь мощным, что в структуре многих предприятий появились штатные единицы социологов или собственные социологические лаборатории⁷, коллизии вокруг которых нашли отражение в

⁷ «В 1970-1980-е годы почти на всех крупных предприятиях Дальневосточного региона (завод «Энергомаш», нефтеперерабатывающий завод им. С. Орджоникидзе, завод «Дальдизель», судостроительные заводы им. С. Кирова, Хабаровское швейное объединение «Восток», авиационный завод им. Ю. Гагарина и др.) на штатных должностях работали социологи, а на ряде предприятий были созданы социологические лаборатории». [Байков, 2008]

производственной кинодраме 1977 г. «Собственное мнение»⁸, где реалистично отражены будни "заводской социологии".

Информанты, участвовавшие в движении "заводской социологии" отмечали, что на их профессиональное мировоззрение существенным образом повлияла деятельность В.Г. Подмаркова и книга "Человек и его работа"(1967 г.). Коллективная монография «Человек и его работа» (1967 г.), основана на результатах комплексного исследования молодых рабочих, проведенного сотрудниками лаборатории социологических исследований при ЛГУ под руководством В.А. Ядова. Авторы проекта отмечают, что их задача заключалась не только в содержательном понимании отношения рабочих к труду и изучения мотивации, но и в опыте проведения теоретически обогащенного и методически совершенного исследования⁹. Проект ленинградских социологов на долгие годы стал методическим и содержательным образцом реализации аналогичных исследований на промышленных предприятиях СССР. В начале 1970-х гг. вышла книга В.Г. Подмаркова «Введение в промышленную социологию»[Подмарков,1973], которая стала "настойной для социологов труда"[Тощенко,2012:35]. Эта книга не только подвела итоги движения "заводской социологии" предыдущего десятилетия, но и обозначила повестку на следующий период: "промышленная социология определяется Подмарковым как прикладная социальная наука о содержании и значении «человеческого фактора» промышленности, т.е. наука о структуре, механизмах и эффективности общественных, коллективных и индивидуальных действий и отношений промышленных работников"[там же]. Из подмарковской версии промышленной социологии выросло управленческое консультирование, основанное на "школе человеческих отношений" и социология труда.

Обстоятельства институционализации "заводской социологии" важны для понимания специфики её обращения к темам, относительно пересекающимся с исследованиями занятий и профессий. В первую очередь информантами отмечается подчеркнуто прикладной характер большинства исследований, проводившихся "заводскими социологами" - перед ними ставились задачи, интересовавшие менеджмент предприятий и местное партийное руководство. Эти задачи можно объединить в три группы: разработка методик профессиональной ориентации рабочих, инженерно-технических работников и служащих; оценка удовлетворенности трудом; выявление причин и выработка рекомендаций по борьбе с текучестью кадров. По сути это были задачи, сформулированные в менеджериалистском ключе, что накладывало отпечаток на характер получаемых данных и результатов. "Заводские социологи" отлично знали особенности организационных культур своих предприятий и специфику отдельных профессиональных групп внутри этих предприятий, но эти знания нередко носили характер "практической мудрости", основанной на опыте личных наблюдений и общения. Далеко не все из этих знаний могли быть отражены в отчетах и публикациях, а поэтому ушли вместе с самой "заводской социологией": *"На Кировском заводе была мощная лаборатория и они очень успешно работали. Конечно, это были прикладники в чистом виде: никакие общие проблемы профессии и работы их не интересовали. Публикаций очень мало сохранилось: были конференции итоги которых иногда публиковались. А так - это рабочий материал всё"*. (интервью с В.А. Ядовым)

В конце 1980-х гг. "заводская социология" начала утрачивать свои позиции, открыв путь социологии труда и управленческому консультированию. Заслуга "заводской социологии" заключается не только в популяризации социологических исследований, но в накоплении методического и содержательного опыта, который

⁸ Собственное мнение. Художественный фильм. Реж.Ю. Карасик, Мосфильм, 1977 г.

⁹ См. Предисловие к переизданию книги «Человек и его работа». *Здравомыслов А.Г., Ядов В.А.* Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003.

затем был активно использован в том числе и исследователями занятий и профессий. Именно «заводская социология» стала смело использовать различные методы исследования – биографические интервью, кейс-стади, включенное наблюдение, контент-анализ документов, социально-психологическое тестирование, что позволяло получать насыщенные данные о жизни рабочих и трудовой ситуации на производстве. При этом «рабочие» нередко описывались в обобщенном виде, представляя неразличимой массой «трудящихся», абстрактным «рабочим классом», где еще можно было разглядеть «молодых» и «опытных» рабочих, «квалифицированных» и «неквалифицированных», а весь остальной сложный и многообразный мир профессиональных культур представителей различных рабочих занятий чаще всего оставался за скобками публикаций и аналитических отчетов. Другими словами, оптика антропологии занятий и профессий почти не была задействована в советских исследованиях рабочего класса, осуществлявшихся "заводскими социологами". Однако, исключать "заводскую социологию" из истории исследований занятий и профессий в СССР - значит забывать о её роли в становлении этой дисциплинарной области. Конечно, нельзя говорить о прямой преемственности между социологией занятий и профессий и "заводской социологией", скорее можно вести речь о том, что многие из социологов профессий старшего поколения начинали свой путь ведя исследования как "заводские социологи", что повлияло на их мировоззрение и стиль работы.

Заключение

Эта статья отражает мою интенцию рассматривать историю отечественной социологии не только как набор биографических нарративов и мемуаров, но и как важный запас знаний для современного социолога. Объектом моего интереса стали два различных по задачам направления советской социологии: исследований социальной структуры и "заводской социологии". Первое направление было озабочено научным описанием советского общества, а второе работало с конкретными проблемами конкретных предприятий и трудовых коллективов. Однако и то и другое направления касались проблематики занятий и профессий, которая нередко была "спрятана" в других сюжетах. В случае со "структурщиками" это оказалось более простой задачей, поскольку они активно публиковались, а в случае с "заводской социологией" многое осталось в отчетах, которые читались только заинтересованными лицами. Я стремился дать новое прочтение известным и отчасти забытым текстам советской социологии того времени, связывая их содержание с современным языком социологии занятий и профессий. Не везде это получилось, но на мой взгляд советская социология может служить не только источником исторических анекдотов, но и достойным аналитическим ресурсом.

Список литературы:

- Абрамов Р.Н.* Социология профессий и занятий в России: обзор текущей ситуации // Социологические исследования, 2013, №1(333), с.99-108.
- Абрамов Р.Н.* Социология профессий. Программа курса // Экономическая социология, 2003, Т. 4. № 3. с. 159–167.
- Арутюнян Ю.В.* Социальная структура сельского населения в СССР. М.: 1971.
- Байков Н.М.* Социология на Дальнем Востоке: становление и развитие // Социологические исследования, 2008, №6
- Бляхман Л.С., Шкаратан О.И.* НТР, рабочий класс, интеллигенции. М.: Политиздат, 1973.
- Волков С.* Интеллектуальный слой в советском обществе. М.: 1999.

Гадея Ш. Социология профессиональных групп во Франции. Историческая перспектива и вопросы современного развития // Социологические исследования, 2011, №4, с.70-80.

Галочкин В.И. АСУ предприятий необходимы социологические подсистемы//ЭКО, 1973, №2, с.132-141.

Герович В. Интер-Нет! Почему в Советском Союзе не была создана общенациональная компьютерная сеть//Неприкосновенный запас» 2011, №1(75), с.27-39.

Гоголюхин С.П. Сближение советского рабочего класса с интеллигенцией и формирование слоя рабочих-интеллигентов. Автореферат канд. дисс. Свердловск, 1966.

Готлиб А.С. Социология в Поволжье: попытка этнографии // Социологические исследования, 2008, № 6, с. 86-92.

Григорьев С.И. Полувекковая эволюция социологии в Сибири // Социологические исследования, 2008, №6, с.74-81.

Давидюк Г.П. Беларусь: в муках, страданиях родилась социология // Социологические исследования, № 6, 2008, С. 93-99.

Дискуссия о путях совершенствования хозяйственного механизма Глава 11 /Всемирная история экономической мысли. Экономическая мысль социалистических и развивающихся стран в послевоенный период (40-е – первая половина 90-х годов). Т.6 Книга I. М.: Мысль, 1997, с.225-236.

Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003.

Карибский В.В. Опыт автоматизации управления предприятиями в отрасли//ЭКО, 1970, №2, с.128-137

Классы, социальные слои и группы в СССР/Отв. ред. Ц.А. Степанян и В.С. Семенов, М.: Наука, 1968.

Когоут Я., Томишк М. Положение и роль промышленного социолога//ЭКО, 1972, №4, с.142-153

Кораблева Г.Б. Становление подходов к социологии профессий в России// Социологические исследования, 2013, №1(333), с.109-117.

Кочеткова Е. Модернизация советской целлюлозно-бумажной промышленности и трансфер технологий в 1953-64-м гг.: случай Энсо-Светогорска // Laboratorium, 2013, №5(3), с.13-42.

Кугель С.А. Закономерности изменения социальной структуры при переходе к коммунизму. М.: 1963.

Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессиональных групп в России: история становления и перспективы // Вестник Института социологии. 2013. № 7. с. 91-106.

Мироносецкий Н.Б., Романова И.М. АСУ "Барнаул" - в действии//ЭКО, 1972, №2, с.51-60.

Московская А. Проблемы становления модели профессии: российский опыт в западном исследовательском контексте// Мир России. 2010. № 3, с.90-113.

Назимова А.К. Социология о социологах. Проблемы становления новой профессии// ЭКО, 1972, №4, с.158-166.

Перкнерова И. Центра промышленной социологии в ЧССР//ЭКО, 1972, №4, с.153-157.

Подмарков В.Г. Введение в промышленную социологию (социальные проблемы социалистического промышленного производства). М.: Мысль, 1973.

Романов П., Ярская-Смирнова Е. Мир профессий – пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования, 2009, № 8. с. 25-35.

Руткевич М.Н. Актуальные проблемы развития социальной структуры советского общества // Социологические исследования, 1977, №2, с.9-19.

- Руткевич М.Н.* Тенденции изменения социальной структуры советского общества//Социологические исследования, 1975, №4, с. 6–18.
- Руткевич М.Н.* Социальная структура социалистического общества в СССР и ее развитие к социальной однородности/Проблемы развития социальной структуры общества в Советском Союзе и Польше. М.: 1976, с. 3-18.
- Сакс М., Олсон Дж.* Социология профессий: государство, медицина и рынок в Великобритании//Профессиональные группы интеллигенции/Отв. Ред. В.А.Мансуров. М.:Изд-во Института социологии РАН. 2003.с.61-79.
- Социология и кадровая политика предприятий (мнения практиков)//ЭКО, 1972, №2, с.142-150.
- Тощенко Ж.Т., Цветкова Г.А.* Социология труда. Учебник для вузов. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012.
- Филиппов Ф.Р.* Советская народная интеллигенция: черты социального облика // Социологические исследования, 1978, №3, с. 21–28.
- Шкаратан О.И.* Проблемы социальной структуры советского города/Научные доклады высшей школы. Филос. науки. 1970, №5, с.20-32.
- Шкаратан О.И.* Теории стратификации общества реального социализма. Глава 10/Шкаратан О.И., Радаев В.В. Социальная стратификация: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 1996, с.222-264.
- Шкаратан О.И., Рукавишников В.О.* Социальные слои в классовой структуре социалистического общества // Социологические исследования, 1977, №2
- Шкаратан О.И., Стаканова О.В., Филиппова О.В.* Черты социального роста советского рабочего (по материалам обследования рабочих Ленинграда 1918-1977 гг.)// Социологические исследования, 1977, № 4
- Шкаратан О.И., Филиппова О.В., Демидова Л.Г.* Социальный слой и профессия // Социологические исследования, 1980, №3, с.25-32.
- Щербина В.В.* Заводская социология и управленческое консультирование (советский и постсоветский период) // Социологические исследования, 2008, № 6, с. 115-124.
- Abbott A.* The Sociology of Work and Occupations//Annual Review of Sociology, 1993, Vol. 19, pp. 187-209
- Freidson E.* The Changing Nature of Professional Control// Annual Review of Sociology, 1984, Vol.10, p.1-20
- Gerovich S.* From Newspeak to Cyberspeak. A History of soviet cybernetics. Cambridge: MIT press, 2002
- Macdonald K.* The sociology of professions. SAGE, 1995, p.57-58; Macdonald K., Ritzer G. The Sociology of the Professions: Dead or Alive?//Work and Occupations, 1988, Vol. 15, №3, p. 251-272
- Sciulli D.* Professions in Civil Society and the State. Invariant Foundations and Consequences. Boston: 2009